

Елена СТРОГЕЦКАЯ

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТОВ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ И РИСКОВ СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ

В статье рассматриваются ход развития потребности во внешней оценке университетов и генезис ее предмета. Обосновывается утверждение о том, что необходимость оценки и ранжирования представляет собой вызов высшей школе современной России.

The development of requirement in assessment of universities and genesis of its subject are considered. Thesis that requirement in assessment and ranking is a challenge to the higher education in the modern Russia is substantiated.

Ключевые слова:

риски оценки деятельности вузов, рейтинг, эффективность университетов, развитие университета; risks of universities assessment, rating, universities efficiency, development of university.

Одним из серьезных вызовов для современной высшей школы России является необходимость подвергаться внешней оценке. В свою очередь, процессы оценивания и ранжирования сопряжены со многими рисками для вузов.

Для анализа целей, предмета и возможных последствий ранжирования вузов небезынтересным представляется сам ход развития потребности во внешней оценке университетов. Институциональное устройство последних базируется на принципах автономии, самоорганизации и самоуправления, что, казалось бы, обеспечивает правомерность замены внешней оценки на регулярную самооценку вуза. Тем не менее крайне сложно назвать факты и исторические периоды абсолютной независимости университетов от стороннего оценивания. Даже самый «свободный» в истории вузов — средневековый Болонский университет — подвергался оценке правильности выдаваемых дипломов со стороны верховного управления пап. В 1998 г. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века в ст. 13 закрепила обязательность внешней оценки автономных учреждений высшего образования: «Высшим учебным заведениям должна быть предоставлена автономия в их внутренних делах, однако такая автономия должна сопровождаться четкой и транспарентной подотчетностью правительству, парламентам, учащимся и обществу в целом»¹.

Можно утверждать, что легитимация внешней оценки университетов неразрывно связана с этапом, когда высшая школа становится объектом государственной политики (в XVI—XVII вв.)². В этот период деятельность университетов начинает оцениваться национальными государствами. Предметом оценки становится университет в целом, соответствие содержания образования задачам формирования национальных элит и его полезность для национальных экономик. Таким образом, в период позднего Средневековья зарождаются основания для столь популярных сегодня процессов оценки качества образования, используемых в целях внешнего регулирования вузовской деятельности, таких как аккредитация, определение числа бюджетных мест для обучающихся и т.д.

Смена образовательных парадигм, рост расходов на деятельность

¹ Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры // <http://www.sde.ru/files/t/pdf/5.pdf>

² Шпаковская Л. Политика высшего образования в Европе и России. — СПб. : Норма, 2007, с. 39.

СТРОГЕЦКАЯ

Елена

Витальевна —
к.полит.н., доцент;

заведующий

кафедрой

социологии и

политологии Санкт-

Петербургского

государственного

электротехничес-

кого университета

«ЛЭТИ»

avs1973@list.ru

университетов и мировые экономические кризисы породили новые катализаторы роста потребности в оценке деятельности вузов. К ним следует отнести, прежде всего, большие финансовые затраты на существенно отложенный эффект от образовательной деятельности и фундаментальной науки в сочетании с зависимостью вузов от внешних источников финансирования. В конце XX в. **дополнительным предметом** государственной оценки вузов в разных странах становится эффективность их деятельности, понимаемая как соотношение вложений и результатов¹.

XX в. изменил, кроме прочего, и сам характер потребности во внешней оценке университетов, превратив ее из сугубо государственной в общественную и внутреннюю — для самих учебных учреждений, — а также добавив необходимость ранжирования последних. Усиливающаяся массовость высшего образования обусловила рост числа университетов. Появился новый регулятор образовательных отношений — рынок, среди значимых факторов принятия решения на котором стало сопоставление университета с рядом ему подобных. К арсеналу методов оценки добавился рейтинг. «Истории рейтингов сопутствует история их критики»² и протестов, особенно со стороны самих университетов. Среди основных причин критики — возможность построить рейтинг по любому критерию, далеко не всегда валидному. Вместе с тем рейтинги постоянно совершенствуются и набирают популярность, поскольку высокое место в них становится символическим капиталом вуза и его конкурентным преимуществом в борьбе за ресурсы.

Российские исследователи высшего образования часто критикуют мировые рейтинги за «отсутствие в них российских университетов»³. Однако вряд ли аргументация этого замечания в духе «не то измеряют» может обезопасить российскую высшую школу от сегодняшних реалий. В настоящее время в мире существует ряд признанных, хотя и оспариваемых, рей-

тингов. Ориентация на них международного сообщества, готовность отечественной государственной администрации признать их инструментом конкурентной борьбы и все более прочное общественное представление о том, что «качественный» вуз — это «топовый» вуз, превращают рейтинги в серьезные вызовы для российской высшей школы. Она должна либо соответствовать их параметрам, либо пытаться повлиять на систему оценки вузов, создавая собственные методологии и методики (видимо, самым продуктивным является путь параллельного движения). К таким методологиям можно отнести рейтинг агентства «РейтОР»⁴, методику формирования национального рейтинга университетов, разработанную международной информационной группой «Интерфакс» и радиостанцией «Эхо Москвы»⁵, а также модельную методологию ранжирования российских университетов⁶. Важно отметить, что авторы каждой из этих методологий отдают отчет в необходимости их совершенствования и развития.

Говоря о потребности в создании валидных способов оценки и ранжирования российских вузов, нельзя не отметить, что ее рост обусловлен не только вызовами со стороны мировой образовательной системы, но и внутренними рисками отечественной высшей школы. Наиболее угрожающим представляется риск умирания университетов в результате их внешнего оценивания. Начиная с 2007 г. в процессе создания федеральных университетов завершили свое самостоятельное функционирование 19 вузов⁷. Кроме того, тенденция к укрупнению коснулась и университетов других категорий. Например, в Петербурге реорганизации в ходе поглощения подверглись СПбГМА им. И.И. Мечникова, СПбГУ низкотемпературных и пищевых технологий; Северо-Западный государственный заочный технический университет. В июле 2012 г. министр образования Д. Ливанов заявил о том, что в ближайшие 3 года его ведомство планирует сократить число го-

⁴ Российское образование. Федеральный портал // www.edu.ru/abitur/act.9/index.php

⁵ <http://www.univer-rating.ru>

⁶ Заварыкина Л.В., Лопатина А.С., Перфильева О.В. Проект модельной методологии ранжирования российских вузов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика, 2012, № 1, с. 122–155.

⁷ Без учета базовых университетов, к которым присоединялись остальные учебные заведения.

¹ Абанкина И.В., Абанкина Т.В., Филатова Л.М., Николаенко Е.А. Тенденции изменения общественного спроса на высшее образование в современной России // Вопросы образования, 2012, № 3, с. 104.

² Карпеченко Т., Рейтинги вузов // edunews.ru

³ Донецкая С.С. Российский подход к ранжированию ведущих университетов мира // ЭКО, 2009, № 8, с. 137–150.

сударственных вузов на 20%, а их филиалов — на 30%¹.

Непрерывная дискуссия о сокращении числа российских вузов велась примерно с 2005 г., однако в активную фазу этот процесс вступил только в 2009–2010 гг. в связи с последствиями экономического кризиса. На ближайшие 10 лет эксперты не прогнозируют существенного улучшения финансирования вузов из-за сменявшихся приоритетов бюджетной политики и острых финансовых потребностей других сфер образования (например, дошкольного)². Можно предположить, что в таких условиях, желая сократить объемы своих обязательств, государство будет придерживаться политики сокращения и продолжать начатый в конце 2012 г. поиск неэффективных вузов. Тем более что, как отмечалось выше, оценка эффективности вузов со стороны государства — это сегодняшний мировой тренд.

Наконец, третьим аргументом в пользу сохранения линии на слияние и поглощение российских вузов, а следовательно фактором риска прекращения их существования, является представление о том, что крупному университету легче стать конкурентоспособным. В этой связи характерно высказывание А. Демидова, ректора Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, относительно реструктуризации высшей школы: «Идея-то благая — создать крупные многопрофильные многоуровневые учебные заведения, которые реально могли бы входить в мировые вузовские рейтинги, но кто и как будет решать, какие вузы останутся, а какие нет...»³

Если вывести за скобки вопрос субъекта, ключевым и одновременно наиболее трудным моментом в оценке эффективности деятельности университетов является определение ее результатов. Анализ перечня индикаторов эффективности, действующего в России с осени 2012 г. и неоднократно критиковавшегося, показывает, что от упомянутой трудности разработчики методики старались уйти путем замещения критериев результативности показателями ресурсообеспеченности

(индикаторы доходов университетов, объем НИОКР на одного НПР, инфраструктура) или стратегического выбора университета в конкретных социальноэкономических условиях (средний балл ЕГЭ, доля студентов-иностранцев). Представляется, что данные показатели действительно полезны, если будут дополнены параметрами результативности (например, востребованностью выпускников на рынке труда и самого вуза — на рынке образовательных услуг, а также научной авторитетностью работающих в вузе преподавателей, мерой активности и уровня научной работы). Сочетание малых значений параметров ресурсообеспечения и одновременно существенных показателей результативности будет маркировать достаточный потенциал развития вузов и тем самым давать основания для их ресурсной поддержки (видимо, уже сейчас к таким вузам можно отнести РГГУ, МАРХИ и др.).

Попытка обогатить рассматриваемый перечень показателями, выражающими результативность, сделана в феврале этого года Минобрнауки РФ. Однако в ответе на вопрос о том, можно ли считать количество обращений выпускников на биржу труда после окончания вуза индикатором его результативности, мнения экспертов расходятся. И. Абанкина, например, критикуя введенный параметр, предлагает в оценке эффективности вузов обратиться к мировому опыту, например к измерителям научно-публикационной активности⁴.

Практика российских вузов показывает, что в этом случае может возникнуть еще один риск — номинальной активности. Речь идет, например, об индексе цитирования в иностранных журналах, а также о доле научно-педагогических работников, имеющих ученые степени и дипломы зарубежных вузов. Зная, что от высоких значений показателей данных параметров зависит дальнейшее существование вуза, не говоря уже о дополнительно выделяемых ресурсах, но одновременно осознавая, что для достижения этих значений нет достаточного времени, вуз может начать придерживаться следующей тактики: на работу приглашается соответствующий специалист, но фактически он только числится в кадровом составе.

¹ http://ria.ru/edu_higher/20120711/697100039.html

² Абанкина И. В. и др. Указ. соч.

³ Яковлев В. Петербургские вузы будут укрупняться // Новости Петербурга, 2012, № 29(741), 25–31 июля, с. 10.

⁴ Гомзикова С. Минобрнауки отправится на биржу труда // <http://svpressa.ru/society/article/64569/>

Среди рисков современной высшей школы, связанных с оценкой качества образования, значительным является риск торможения развития вузов. Само базовое требование этой оценочной процедуры — соответствовать тем или иным установленным стандартам — заметно ограничивает так называемую предпринимательскую активность, необходимую для успешного существования современных университетов. Преодолеть названный риск можно, только постоянно корректируя стандарты, что весьма трудоемко.

Российские государственные системы оценивания качества являются весьма инертными, и направлены они в основном на статические данные. Если аккредитационные показатели принципиально не препятствуют динамике вузов, то ранжирование университетов по качеству образования, осуществляемое с другими целями, может содержать индикаторы, подталкивающие вузы к застою. В этом смысле ярким примером является прошлогодний государственный конкурс по установлению контрольных цифр приема среди государственных вузов¹. Так, в рамках конкурса измерялось соответствие направления подготовки (специальности) профильной направленности подготовки кадров в образовательном учреждении. В то же время мировые аналитики высшего образования указывают на то, что конкурентоспособность и потенциал современного университета базируются на его готовности комплексно реагировать на запросы среды, в частности на особенности и потребности региона, а вовсе не на его устойчивой профильности².

Наконец, последний риск, о котором хотелось бы упомянуть в связи с применяемыми сегодня методиками оценки и ранжирования вузов России, обусловлен универсализацией оценочных процедур. Как в отношении государственных систем

оценок эффективности и качества вузовской деятельности, так и в отношении многих рейтингов существует серьезная критика, касающаяся единообразия измерений несопоставимых вузов. Применение единых методик в таких случаях приводит к неадекватным результатам и ущемлению некоторых групп университетов. Так, мониторинг эффективности породил угрозу дальнейшему самостоятельному существованию ряда творческих вузов. Единство аккредитационных процедур вводит неравные шансы для центральных и периферийных университетов, странно ожидать равного рейтингового соперничества между муниципальными вузами и федеральными университетами.

С одной стороны, в российских условиях универсализация оценочных процедур усугубляет риск гибели университетов. С другой стороны, появляется риск, касающийся системы высшего образования в целом. Дело в том, что единство методик оценки порождает одинаковые ориентиры для развития вузов разного профиля, разных статусов и разных моделей высшего образования, что блокирует диверсификацию вузовской системы. Это, в свою очередь, означает, что система высшего образования начинает воспроизводить ограниченное число эталонных и практически значимых форм культурной деятельности и постепенно вырождается³.

В заключение хотелось бы отметить, что многочисленные риски, связанные с использованием результатов и методами измерений эффективности, качества и других параметров российских вузов, оставляют открытым методологическое поле данной проблемы и стимулируют поиск новых подходов к оценке деятельности современной высшей школы.

¹ <http://минобрнауки.рф>

² Кларк Б.Р. Поддержание изменений в университетах. Преемственность кейс-стади и концепций. — М. : ИД НИУ ВШЭ, 2011.

³ Долженко О. Социокультурные проблемы становления и развития высшего образования // Alma mater (Вестник высшей школы), 1996, № 2, с. 19.